

ЛЕОНИД СЕЛЕЗНЁВ

ПОЭТ НИКОЛАЙ ДОЗОРОВ И “ОПЫТ МАЯКОВСКОГО”

(Об агитационно-пропагандистских стихах Арсения Несмелова 1930-х годов*. К 125-летию поэта)

В конце 2006 года во Владивостоке тиражом 3000 экземпляров было издано “Собрание сочинений” в 2-х томах большого русского поэта, жившего в эмиграции в Китае, – Арсения Ивановича Митропольского (1889–1945), писавшего под псевдонимом Арсений Несмелов. Надо отдать должное составителю этого двухтомника Евгению Витковскому, более двадцати лет по крупицам собиравшему литературное наследие лучшего поэта восточной ветви русской послеоктябрьской эмиграции.

И всё-таки выход в свет этого солидного двухтомника – объёмом почти в 1300 страниц! – с достаточно подробными комментариями оставил чувство неудовлетворённости из-за отсутствия в нём довольно большого пласта литературной критики Арсения Несмелова, а также части поэтического наследия автора, связанного с его членством во Всероссийской фашистской партии (ВФП) в Харбине. В томе 1-м – “Стихотворения и поэмы” – нет книги стихов “Только такие!” (Шанхай, 1936) и отдельных стихотворений, печатавшихся под псевдонимом “Николай Дозоров” в газете ВФП “Наш путь” (1933–1938) и журнале ВФП “Нация” (1936–1938).

В заметке “Обоснование текста” (т. 1, с. 506) Е. Витковский назвал книгу стихов “Только такие!” “неудобочитаемым сборником, написанным для прикладных нужд Всероссийской фашистской партии”. Хотя при этом отметил, что книга эта вошла в изданный в США солидный однотомник стихотворений и поэм А. Несмелова “Без России” (Орэндж, “Антиквариат”, 1990; составитель Э. Штейн). Этот американский однотомник А. Несмелова (с книгой стихов “Только такие!”) можно взять во всех крупнейших библиотеках Москвы и Петербурга (РГБ, РНБ, МГУ и т. д.)

Вот так оказывается: в “оплоте мировой демократии” эту книгу Арсения Несмелова издать можно, а на родине поэта, в России, даже малым тиражом, с соответствующими комментариями, – нельзя. Мотивация Е. Витковского такова: мол, книга эта сугубо пропагандистская, выходящая за рамки поэзии как искусства. Но тогда – по этой логике – в собрания сочинений некоторых поэтов, например, В. Маяковского не следует включать добрую половину написанного им в стихах. (То же можно отнести к значительной части стихов Р. Киплинга, Б. Брехта, И. Бехера, В. Броневского, В. Незвала, П. Неруды, Н. Асеева, С. Кирсанова и других **политически ангажированных**

* В основе данной статьи – доклад автора на международной научной конференции “Проблемы текстологии и творческой биографии В. В. Маяковского” в ИМЛИ РАН 18 июня 2008 года.

писателей.) Сегодня, впрочем, по отношению к таким поэтам изъятие “неудобочитаемых” произведений при переиздании их книг уже происходит: идёт процесс “очищения” советских классиков и приспосабливание их к буржуазному книжному рынку. Вот недавний пример. В 2006 году в издании “Новой библиотеки поэта” (СПб, Академический проект) вышел объёмный том советского поэта Семёна Кирсанова. Известно, **за какие** стихи и поэмы Кирсанов получил две Сталинские премии и ордена при жизни Сталина. Но ничего из этих пропагандистских, “сталинистских” произведений в томе, призванном представить **все** грани творчества поэта (именно таково назначение серии “Библиотека поэта”), разумеется, нет: ни поэм “Пятилетка”, “Макар Мазай”; ни даже героической, вполне “удобочитаемой” и сегодня поэмы “Александр Матросов”. Зато есть художественно слабая, но “антисталинистская”, “антикультурная” поэма “Семь дней недели”, а сам её автор объявлен во вступительной статье М. Л. Гаспарова “последним советским формалистом” (и полный “молчок” о примерном советском **сталинисте** Кирсанове 1930–1940-х годов!).

Такую же процедуру “очищения” от некоторых нежелательных сегодня сторон советского наследия производят наследники поэта Ильи Сельвинского. Например, в однотомнике Сельвинского издательства “Время” (М., 2004), объёмом 750 страниц, **из очень сильного** “антикультурного” цикла стихотворений (который в полном составе впервые был опубликован только в конце 1980-х годов) “вычищены” все стихотворения, где в позитивном плане упоминается слово “социализм”. Цикл “Pro domo sua” оказался разрушен.

И здесь мы подходим к принципиальному вопросу текстологии. Если на титульном листе книги (как в случае с владивостокским изданием Арсения Несмелова) значится: “Собрание сочинений”, то читатель вправе ожидать, что он получит максимально полный корпус текстов данного писателя. В отношении **книг** стихов А. Несмелова такая полнота собрания возможна: этих книг немного, и все они известны. Мы не будем иметь полную и объективную историю литературы, если при издании **посмертного, итогового** собрания сочинений того или иного автора будем руководствоваться очередной сиюминутной “генеральной линией” власти — будь то “борьба с космополитизмом” в конце 1940-х годов или “борьба с русским национализмом” сегодня. Да, поэт Арсений Несмелов с 1931 года состоял во Всероссийской фашистской партии в Харбине и, как член этой партии, писал соответствующие радикально антисоветские и националистические стихи. И задача составителя и комментатора посмертного **собрания его сочинений** — представить и прокомментировать и эту, может, и не лучшую часть его поэтического наследия, однако важную для полноты истории русской литературы, а не закрывать стыдливо глаза.

Столь длинное вступление в основную тему данной статьи понадобилось для того, чтобы обратить внимание читателей на то, что политически ангажированная, “партийная” поэзия живёт по своим законам, имеет вполне определённый “социальный заказ” своего времени, существует и сегодня — в общесте всемирной глобализации и нивелировки многих жизненных ценностей.

Несмотря на диаметрально противоположные политические убеждения и идеалы, Арсений Несмелов ценил Владимира Маяковского как поэта и в 1920-е, и в 1930-е годы, уже будучи членом ВФП. Напомню, что и итальянские поэты-футуристы, в 1920-е годы став сторонниками фашистского режима Б. Муссолини, эстетически, в плане художественной выразительности, отдавали должное Маяковскому как поэту*. В своём первом сборнике “Стихи” (Владивосток, 1921, — в книжном собрании Государственного музея В. В. Маяковского есть эта книга Несмелова, с его дарственной надписью Николаю Асееву от 1921 года) Арсений Несмелов поместил стихотворение “Оборотень” с посвящением “Гению Маяковского”. Оно заканчивается так:

*И наклоня шею бычью —
Неузвляемый базальт! —
Он поднимает вилой клычьею
Препон проржавленную сталь.*

---

* См. мою публикацию: Селезнёв Л. А. Маяковский и итальянские футуристы: Неизвестное интервью поэта // Творчество В. В. Маяковского в начале XXI века: Новые задачи и пути исследования. М., ИМЛИ РАН, 2008. С. 584–600.

Очень смелый, так свойственный Маяковскому на эстраде образ! Напор, темперамент, напор! Так поэтически эмоционально воспринимал Арсений Несмелов образ Маяковского-поэта.

Почти неизвестны читателям России литературно-критические статьи Несмелова, разбросанные по владивостокским и харбинским газетам. А между тем, в них есть некоторые прозрения, которые сбылись потом. В 1920–1921 годах Несмелов редактировал газету на русском языке, которую издавала оккупационная японская военная администрация Владивостока, — “Владиво-Ниппо”. В ней он публиковал свои литературно-критические статьи или за подписью “А. М.” [Арсений Митропольский], или вообще без подписи. В его статьях 1920 года есть верные и точные характеристики Маяковского как поэта. В статье “Параллели в развитии русского и японского искусства” (“Владиво-Ниппо” от 11 сентября 1920 г.) он писал: “Такие величины, как Маяковский и Хлебников, — футуристы-славянофилы <...>. Западничество футуристов настолько незначительно, что, по сравнению с общенациональным духом **нового** искусства, не может быть принято во внимание”. Напомним, что именно в западничестве и космополитизме обвиняла русских футуристов российская пресса 1910-х годов, совершенно не вдаваясь в исследование народно-архаических истоков их творчества.

Несмелов был одним из немногих критиков, кто обратил внимание на русские **национальные** источники произведений футуристов. В этой же статье он называет Маяковского одним из “нового племени людей, припавших к чистым источникам народного Слова и Духа”. И здесь же, куда раньше Ю. Н. Тынянова (статья “Промежуток”, была опубликована лишь в 1924 году), он указал на одическую традицию классицизма Г. Р. Державина, которая, минуя пушкинскую традицию, прямо “аукнулась” в стихах Маяковского ещё до революции 1917 года. Но кто в Москве 1920 года мог читать газетку “Владиво-Ниппо”?.. Разве только в ЧК-ОГПУ...

В другой своей статье “Искалеченное искусство” (“Владиво-Ниппо” от 25 сентября 1920 года) Арсений Несмелов также дал высокую оценку поэзии Маяковского: “Маяковский нанёс смертельный удар старой форме стихотворчества, подчеркнул опóшлившиеся ритмы, измызганные образы, осмелял их и выбросил из дворца искусства <...>. Ведь для творящего революцию пролетариата этот поэт совершенно чужд. Он близок к тем, кто прошёл через Брюсова и Блока, кто смеялся вместе с Сашей Чёрным <...> Для советской аристократии, для тех, кто правит, — Маяковский чужд и дик. Им ещё надо Надсона, Якубовича и всех этих Иван Ивановичей Вяткиных, которые с шиком рифмуют “товарищ” с “пожарищем” и “свободу” с “народом”. — Дайте нам Демьяна Бедного! — Они правы. — Они открыто делают гнусную работу по обесцениванию искусства”.

На смерть Маяковского Арсений Несмелов откликнулся небольшим, но сочувственным очерком “Оборотень” (журнал “Понеделник”, Шанхай, 1930, № 1 — вышел в сентябре): “Меня смерть В. Маяковского ударила по сердцу больше, чем смерть С. Есенина <...> Это страшнее...”

Надо сказать, что в периодике русских радикал-националистов (и в Европе, и в Маньчжурии, Харбине) никогда всерьёз не воспринимали версию о якобы личных причинах гибели Маяковского. В этих кругах всегда считали и смерть Есенина, и смерть Маяковского **политическим доведением до самоубийства**, то есть фактически **политическим убийством**. Об этом ещё раз напомнила статья Юрия Баталова “Горькая доля советских литераторов” в газете Всероссийской фашистской партии “Наш путь” (Харбин) от 7 июня 1936 года, когда и до Харбина дошла информация о пленуме Союза писателей СССР по борьбе с формализмом (февраль 1936). Знаменем этой “борьбы с формализмом” была объявлена поэзия Владимира Маяковского, с известной формулировкой Сталина.

К 1936 году Арсений Несмелов был уже активным членом Всероссийской фашистской партии, её партийным политическим поэтом*. Он вступил в ВФП Константина Владимировича Родзаевского в числе первых, в 1931 году. Партия русских радикал-националистов, по моде того времени названная фашистской, имела мало общего и с итальянским “почвенным” фашизмом Муссолини, и уже тем более с германским нацизмом Гитлера, носившим антихристианский характер, с выраженным языческим и сатанинским культом. Русские фашисты в сво-

* Подробно об этой партии см. монографию: О कोरोков А. В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945). М., 2002. 596 с.

ём большинству были православными монархистами, преклонялись перед личностью Николая II и видели будущее России в возрождении традиционного русского самодержавия, идеалов Святой Руси, под лозунгом “Бог. Нация. Труд”. Первоначально, дабы не осложнять отношений с владельцами многочисленных периодических изданий, в которых он сотрудничал, Арсений Несмелов не афишировал своей принадлежности к ВФП, выступая в партийной печати (газеты “Наш путь”, “Русский авангард”, журнал “Нация”) под псевдонимами “Николай Дозоров”, “Н. Д.”, “Н. Н. Дацар-Дацаровский”. Однако с 1937 года Несмелов перестал скрывать своё членство в ВФП, и в национальной прессе уже стали появляться статьи за его обычными подписями “А. Несмелов” и “А. Н-лов”. Но вот **стихи** в этих изданиях поэт по-прежнему подписывал псевдонимом “Николай Дозоров”, который стал, по существу, образом-маской, маской политического поэта (в то время как поэт Арсений Несмелов – явление более сложное, разностороннее, чем сугубо политический поэт “Николай Дозоров”). Если сравнивать с Маяковским, то Маяковский не разделял своё поэтическое “я” на лирика, эпика и чисто политического, “партийного” поэта-трибуна. В Маяковском советского времени всё это было **органически** сплавлено **воедино**. Арсений Митропольский же сознательно **выделил** из своего поэтического самосознания образ политического, партийного поэта “Николая Дозорова”. Насколько органичен был этот поэт-маска для творчества Арсения Несмелова (если иметь в виду его поэзию в целом: лирика, поэмы, сатирические стихи)? На наш взгляд, разница между “Арсением Несмеловым” и “Николаем Дозоровым” просто разительна, слишком бросается в глаза, и не в пользу “Николая Дозорова”.

Патриотические стихотворения Несмелова постоянно декламировались на официальных мероприятиях и праздничных концертах, проводимых организациями ВФП не только в Маньчжурии и Китае, но и в США, Швейцарии, Югославии и других странах. Напомним здесь, что ВФП насчитывала свыше 18000 своих членов в 12 странах мира, 6000 из них жили в Маньчжурии (Харбин) и Китае (Шанхай). Стихи Несмелова часто цитировались в партийных изданиях (в том числе и главой ВФП К. В. Родзаевским, являвшимся горячим поклонником поэта), а поэма “Георгий Семенá” и стихотворение “Советский часовой” были инсценированы в театрах Харбина. В фашистском театральном центре шла также антисоветская сатирическая пьеса Николая Дозорова “Привидение в партклубе”^{*}.

Самое интересное для нас – сопоставить, как самосознают, самоопределяют себя как личность по отношению к партии, к массовому целому беспартийный коммунист по убеждению поэт Владимир Маяковский и член фашистской партии поэт Николай Дозоров. Фашизм и коммунизм – генетически совершенно разные идеологии. Ставить их рядом, как это делают нынешние либерально-буржуазные публицисты, – недобросовестно и антинаучно. Но провести некоторые параллели в понимании соотношения “я и партия”, “личное” и “партийное” у коммунистов и у фашистов вполне правомочно. И у тех, и у других – как у партий тоталитарных, – естественно, личное “я” подчинено общему “мы”. Ещё Адольф Гитлер в “Mein Kampf” писал: “Ты ничто, твой народ – всё”. Или: “Ein Reich, ein Volk, ein Führer” – “Одна страна, один народ, один вождь”. Или ещё: “И если я когда-нибудь умру, моя душа останется в партии”. Аналогичные утверждения высказывал и вождь русских фашистов К. Родзаевский.

А вот Маяковский, поэма “Владимир Ильич Ленин”: “Российской коммунистической партии посвящаю”. – “Я счастлив, что я этой силы частица, что общие даже слёзы из глаз. Сильнее и чище нельзя причаститься к великому чувству по имени – класс!” – “Мозг класса, сила класса – вот что такое партия”. Мощные образы, чеканный стих! Арсений Несмелов не способен дать образы такого масштаба и такого экспрессивного накала в своих “партийных” стихах. Не трибун он, а лирик. Его образность в книге “Только такие!” вполне традиционна, происходит от гражданской лирики Некрасова и поэтов-народников 1870–1880-х годов. Возьмём, например, стихотворение “Новая программа” (имеется в виду новая программа партии русских фашистов, утверждённая III съездом ВФП в июне 1935 года). Эпиграф – из речи К. Родзаевского на съезде. А вот собственно стихи:

---

^{*} Об А. Несмелове как политическом деятеле ВФП см.: Наумов С. Несмелов Арсений Иванович // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русская литература. – М., Институт русской цивилизации, 2004. С. 687–689.

*Скромен вид, соратник,
У брошюры-крошки,
Но не слышал сердцем
Голосов родней, —*

*Строгое тиснение
На её обложке
И живой России
Речь за ней.*

*Нация вдохнула,
Нация вложила
Вещье дыханье
В нашу грудь.
<...>
Нет, не коммунисты,
А фашисты —
Партия рабочих
И крестьян.*

А в стихотворении “Первомайская симфония” — кое-что и о “классе”, вос-
петом Маяковским:

*Класс, воспеваемый в песнях чудесных,
Что ж он в бесправье таком?..
Чтобы от имени сих бессловесных
Правил страной совнарком!*

Не правда ли: напоминает стихи Якубовича или кого-то ещё из поэтов-на-
родников 1880-х годов?.. Подчеркнём здесь, что книга “Только такие!” отпе-
чатана по старой дореволюционной орфографии. И это принципиально.

Русские фашисты называли себя авангардом русской нации. Авангард
здесь понятие исключительно политическое: те, кто “ведут” нацию, идут все-
гда впереди. Как российские коммунисты, пришедшие к власти в СССР, не-
доверчиво относились к собственно авангардному искусству (что Маяковский
испытал на себе и на своей творческой группе ЛеФ), так и русские фашисты
в искусстве были ориентированы на вполне традиционную эстетику, отнюдь
не авангардную, на реалистическую художественную образность, что вполне
логично соответствовало их православной, традиционалистской идеологии,
нравственным идеалом которой была знаменитая русская триада XIX века:
“Православие. Самодержавие. Народность”. А у коммунистов в СССР исход-
ный эстетический идеал нужно искать в творчестве русских писателей-демо-
кратов середины XIX века и художников-передвижников того же времени.
Краткий политический альянс власти коммунистов и художников-авангардис-
тов в СССР закончился очень быстро (1918–1921).

Как видим, общей у советских коммунистов и русских фашистов в Харби-
не в отношении к искусству была ориентация на реалистическую эстетику.
А вот что решительно было разным в “партийном” искусстве тех и других, —
так это трактовка проблемы “личность и народная масса”, “масса” и “герой-
одиночка”. И эта “разность” очень хорошо просматривается в политических
стихах Маяковского и Несмелова. У Маяковского: “Единица — вздор, едини-
ца — ноль”. У Несмелова, при всём подчинении “единицы” общей партийной
воле, она отнюдь не “ноль”. Поскольку деятельность малочисленной в об-
щем-то партии русских фашистов предполагала **героическое поведение**
“единицы” (особенно в случае заброски в стан врага, то есть в СССР,
для выполнения особых заданий — по вербовке новых членов ВФП, для про-
ведения диверсий на советском производстве, в армейском тылу и т. д.),
то **индивидуальная воля** “соратника” воспевалась, прежде всего, в поэзии
Арсения Несмелова. “Единица” у Несмелова — часто **герой**, как Георгий Се-
менá (см. одноименную поэму), схваченный органами НКВД и никого не вы-
давший, герой, оставивший после себя **не раскрытую** подпольную фашист-
скую ячейку в советском городе, — вот оно, **героическое деяние!** Такие же
чувства преобладают в стихотворении “Над могилой соратника”: юноша-фа-
шист погиб, но дело его живёт!

Внешне сходно отношение к молодому поколению в произведениях Маяковского и Несмелова: жертвенность, готовность к подвигу во имя осуществления идеалов той общности, к которой принадлежат молодые люди (соответственно: советские комсомольцы и юные русские фашисты). У Маяковского: СССР — “страна-подросток”, формирующаяся на расчищенном от “старья” месте. У Несмелова — будущее его Родины также связывается с новым поколением “молодой России”, но наследующей лучшие традиции православной монархической России.

Такая преемственность декларируется в стихотворении “Юным фашистам”:

*Вот сцена, эстрада,
Два милые флага,
И в кофточках белых
Тут девичий строй...*

*Фашистская клятва,
Святая присяга —
Вливаются девушки
В наши ряды...*

<...>

*Вы наша весна,
Молодые фашистки,
Вы юная верба,
Зарница весны...*

*К победе сияющей,
Радостной, близкой
Вы призваны ныне
Приказом страны!*

Кто видел фотографии юных членов ВФП, тот не забудет эти удивительно чистые, одухотворенные лица, в которых нет искусственно форсируемого энтузиазма и нет страха.

Но скажем откровенно: собственно в литературном отношении “Только такие!” — не лучшая книга стихов Арсения Несмелова. И не потому, что это книга агитационно-пропагандистских стихов. А потому, что по характеру своего поэтического таланта Несмелов, прежде всего, **лирик**, а отнюдь не поэт-трибун, лирик, как любимый им в молодости Маяковский. У него нет словесно-экспрессивной изобретательности, изысканной метафоричности и ритмического многообразия, как даже в самых откровенно пропагандистских произведениях Маяковского. Можно даже сказать, что Арсений Несмелов взялся не за своё дело, когда стал писать пропагандистские, “партийные” стихи. **В этом отношении** у партии русских фашистов был куда более мощный поэт — Марианна Колосова, автор текста официального гимна Всероссийской фашистской партии.

По большей части стихотворения книги “Только такие!” выглядят слишком декларативными, полными газетно-пропагандистских штампов тех лет, что порою даже производит невольный **комический** эффект, совершенно недопустимый в произведениях такого рода. Это относится, прежде всего, к стихам, открыто и прямо восхваляющим партию (то есть ВФП), партийный съезд и лично “вождя” Родзаевского: настолько они **зеркально** (просто поменяв “плюс” на “минус”) напоминают приёмы **советских** пропагандистских опусов в стихах тех же лет (только вместо ВФП и Родзаевского в них в том же духе воспеваются ВКП(б) и товарищ Сталин). Партийная пропаганда в стихах — дело чрезвычайно тонкое. То содержание, что органично “смотрится” в качестве публицистической газетной или журнальной статьи, в виде стихотворения зачастую просто режет слух. Такое несовпадение содержания и формы, на наш взгляд, — примерно в половине текстов, составляющих книгу “Только такие!” Почти пародийно звучит вот такой пассаж:

*Со всех сторон, со всех окраин света,
Из знойных стран, из полуночной мглы
Для третьего партийного совета
Слетаются фашистские орлы.
 (“III съезд”)*

Или вот это:

*Пост не лёгок у кормила —
Только в сердце маяки...
Правь же, кормчий, с прежней силой,
С той же твёрдостью руки!*

.....
*И тому, кто у штурвала
В бой ведёт фашистский флот,
Чтоб победа воссияла
В этот, веры полный, год!*

(“Главе партии” 1935)

Так и встаёт перед глазами известнейший советский плакат Б. Ефимова (1933 года), на котором усатый, в кепке, довольно жирный Сталин держит в руках штурвал корабля с надписью “СССР”, а в правом нижнем углу — текст: “Капитан страны Советов ведёт нас от победы к победе”... А ведь в стихах “Николая Дозорова” имеется в виду другой “кормчий” — харбинский “фюрер” Родзаевский.

Что же создаёт невольный комический эффект в этих, по замыслу пропагандистских, стихах? А создаёт его “высокая” лексика, употребленная здесь в виде избитых клише, навязших в зубах газетных штампов.

Можно сказать, что на поприще пропагандистской поэзии Арсений Несмелов потерпел неудачу — **именно как поэт**. Хотя мы решительно не согласны с Е. Витковским, который в преамбуле к комментариям в томе 1 владивостокского издания 2006 года намекает на то, что, мол, стихи этой книги написаны Несмеловым по партийному заданию — и только. Как раз искренняя **боль** за Россию в них, пожалуй, куда сильнее и **органичнее**, чем прямой агитационный призыв. В тех стихах, где на первое место выходит Несмелов-лирик, а не Дозоров-пропагандист, тема утраченной Родины и расколотаго по классовому принципу русского народа звучит высоко и даже трагично:

*Мне Россия сегодня не снится —
Наяву я её узнаю:
Я стою у заветной границы,
У российской границы стою!*

*Манит родина тайной бездонной,
Русским ветром бросает в меня...
За рекой, у строенья кордона,
Пограничник седлает коня.*

<...>

*Вот он кинул винтовку за плечи,
Подтянул на груди патронташ,
И уже он на сопке, далече, —
Русский парень, и наш, и не наш!*

(“Письмо с границы”, 1)

В итоге следует ответить на вполне прагматический вопрос: выполнила ли эта книга агитационно-пропагандистских стихов свою **агитационную** роль? Ответ будет неоднозначным. И вот почему.

Книга “Только такие!” имеет два ярко выраженных тематических слоя: это стихи, обращённые к **соратникам по ВФП** (примерно 3/4 объёма книги), и стихи, обращённые к **русским рабочим в СССР** (примерно 1/4). И здесь нам придётся затронуть **социологический аспект** бытования литературного произведения. В своей агитационной части, обращённой “к русскому рабочему” в СССР, книга “Только такие!” напоминает агитационные стихи русских революционеров-народников 1870–1880-х годов. Те хотели насильно “освободить мужика” от самодержавного государственного строя. Арсений Несмелов агитирует советских рабочих восстать и освободиться от советского строя. Весь вопрос в том, хотели ли **сами** эти рабочие такого “освобождения”? Ведь при советской власти они получили очевидные социальные права, которых не имели при капитализме! Это и бесплатное медицинское обслуживание, и бес-

платное всеобщее образование, и дешёвая оплата жилья и т. п., в сравнении с которыми **социальная личная несвобода** при советской модели социализма воспринималась ими как неизбежная, **но всё-таки терпимая плата** за эти социальные блага.

Вот этого никак не могли понять многие политические деятели и люди искусства послеоктябрьской эмиграции, и поэт Арсений Несмелов в их числе, которые предпочли **личную свободу**, даже при социальной и материальной своей неустроенности в чужой стране.

Рабочий класс в СССР к середине 1930-х годов состоял в большинстве своём из недавно “пролетаризированных” молодых крестьян, сильно пострадавших в материальном отношении за годы гражданской войны, всяческих реквизиций и насильственной коллективизации; утративших многие традиционные для крестьян нравственные и религиозные черты. Для таких людей понятия “нации” и “Бога” (к чему постоянно апеллирует Арсений Несмелов) первостепенного значения уже не имели. Если бы каким-то путём книга “Только такие!” в 1936 году вдруг проникла в СССР, скорее всего, её высокий национальный и нравственно-христианский пафос не был бы воспринят “простыми советскими людьми”: слишком необратимо уже было деформировано их мировоззрение вследствие систематической, воинствующей “интернационалистской” и антихристианской пропаганды.

Трагизм положения харбинских и шанхайских радикалов состоял в том, что, несмотря на внешний прагматизм и вроде бы расчётливость их программы, они были всё-таки **слишком идеалистами**. По сути дела, они обращались из России былой, увы, уже утраченной, к России новой, советской, где люди жили уже в соответствии с совершенно другой иерархией жизненных ценностей и ориентиров (пусть и насильно внедрённых). Вот, например, в резолюции III съезда ВФП в июле 1935 года было записано: “Свергнуть советскую власть в СССР к 1 мая 1938 года”.

На что же они всерьёз рассчитывали? На то, что военачальники из высшего советского генералитета способны совершить военный переворот и покончить со сталинским режимом?.. На личный счёт Тухачевского к Сталину (памятуя о позорной польской “кампании” 1920 года)?.. Увы, всё это были беспочвенные иллюзии. Высшие советские военные фрондёры, в лучшем случае, были способны только на словесное едкое ёрничество в адрес Сталина на своих дружеских домашних посиделках... В крайнем случае – на индивидуальный террор.

Всероссийская фашистская партия, к моменту выхода книги Несмелова (в начале 1936 года) насчитывавшая в своих рядах по всей Маньчжурии около 6000 человек, выпускала (с помощью японских финансовых вливаний) огромное количество печатной продукции. Если верить журналу “Нация” (1937, № 2. С. 49), в 1936 году было выпущено 26 600 000 экземпляров различных листовок, брошюр, периодических изданий и книг. Часть из них как раз предназначалась для переправки на территорию СССР. Но все известные нам случаи засылки агентов и диверсантов через дальневосточную границу в СССР в 1930-е годы заканчивались провалами и арестами членов ВФП органами НКВД. Кстати, укажем здесь на то, что в комментарии к единственному допущенному во владивостокское издание 2006 года “фашистскому” произведению А. Несмелова – поэме “Георгий Семенá” – Е. Витковский даже не удосужился объяснить, **кем же** в реальной жизни был герой поэмы А. Несмелова. А был Г. В. Семена **начальником** Синьцзянского отдела партии, **председателем** Центральной контрольной комиссии ВФП. В 1935 году он перешёл границу СССР, добрался до города Ворошилов-Уссурийска, где проживали его родные, с задачей создать в городе фашистскую ячейку и распространить взятую с собой пропагандистскую литературу. На обратном пути в Маньчжурию Г. В. Семена был захвачен сотрудниками НКВД, судим в Хабаровске и в том же 1935 году расстрелян. Вот какой минимум сведений должен был сообщить читателям Е. Витковский в комментарии. Но он этого не сделал.

Попала ли книга стихов “Только такие!” к русским рабочим в СССР – нам неизвестно. Точно установленным является только факт распространения в Москве в начале 1935 года листовки “Фашист”. В ней в качестве противодействия “кровавому коммунизму” русскому народу предлагался только один выход – “фашистская революция”...

Фантазии поэта Арсения Несмелова в книге “Только такие!” о “Пасхе в Москве”, о братании переходящего границу русского фашиста с русским со-

ветским пограничником очень схожи с фантазиями генерала-писателя П. Н. Краснова в его романе о “Белой Свитке”, где герои-диверсанты уже чуть ли не захватывают советскую Москву... Не нам сегодня судить их, связавших идею освобождения Родины от коммунистической утопии с идеологией и практикой русских радикал-националистов (как бы они себя в разных странах ни именовали: ВФП – в Маньчжурии и Китае; РОВС, РОИД, НТС – в Европе). Свои надежды и иллюзии они оплатили собственной жизнью. Да большого выбора у них и не было. Многие из русских фашистов переменили свою политическую позицию во время Второй мировой войны, когда окончательно стало ясно, что Гитлер и немецкие нацисты никогда не допустят формирования на оккупированной территории России самостоятельного русского **национального правительства**. А быть марионетками в чужой игре они не хотели, в отличие от генерала Власова. Лирические стихотворения и поэмы Арсения Несмелова за последние двадцать лет стали хорошо известны российским читателям. А вот познакомиться с Несмеловым-публицистом, с Несмеловым-агитатором в стихах им ещё предстоит. Этот опыт нельзя назвать удачным для поэта. Но книга “Только такие!” – прежде всего **документ** сложной и даже трагической судьбы русской послеоктябрьской эмиграции.

Р. С.: Автор этих строк в пору своей студенческой юности в начале 1970-х годов слушал лекции по зарубежной литературе XX века, весьма смелые для того времени. Читал их старший преподаватель, не имевший даже кандидатской ученой степени, а ему уже шел пятый десяток лет. Говорили, что в конце 1960-х годов он подготовил к защите кандидатскую диссертацию о художественной литературе немецкого фашизма. Со студенческой скамьи попав на фронт Великой Отечественной войны, отвоевав на ней “от” и “до” (в том числе и в качестве военного переводчика), он хорошо изучил психологию немцев – от рабочих в форме солдат вермахта до “интеллектуалов” в форме высших офицерских чинов, буквально пропитанных идеями гитлеровского национал-социализма. Диссертацию его вела кафедра истории немецкой литературы МГУ в лице тогдашнего авторитета в области антифашистской литературы Германии профессора Фрадкина (он считался крупным специалистом по творчеству Б. Брехта). Разумеется, диссертация была написана в рамках единственно допустимой в то время марксистско-ленинской методологии. И всё равно ВАК не допустила её к защите: **сама тема** эта была **табуирована** даже для партсекретаря факультета вуза, кем тогда являлся этот старший преподаватель. И допускаться к рассмотрению она только в самой примитивной, публицистически ангажированной форме – вроде неоднократно тиражированной в советское время убого пропагандистской книжки партийных историков Мельникова и Чёрной под названием “Преступник №1” (т. е. Гитлер). Словом, этому старшему преподавателю не дали защитить диссертацию на такую “спорную” тему. А переменить тему он упорно отказывался, всегда подчёркивая, что своими глазами видел, как тлетворная нацистская идеология одурманила сознание целого народа. В середине 1970-х годов он ушёл из института, какое-то время был учителем литературы в обычной средней школе, потом ушёл и оттуда, стал писать художественную прозу – у него получалась добротная (и, главное, добрая!) проза. Её стали издавать. Скончался он в возрасте 80 лет, больше известный как писатель-прозаик. Но... всё равно, до сих пор, по прошествии стольких лет (когда этого человека уже нет в живых) не покидает меня чувство горечи – от того, что научное сообщество лишилось, может быть, тогда, в начале 1970-х годов, значительного, честного и бесстрашного исследователя.

Я уделил так много места этой горькой истории затем, чтобы читатель понял, как трудно пробивалась эта тема (искусство и литература фашизма) к публичному, печатному анализу и обсуждению, даже в 90-е годы XX века. И когда сегодня определённым антирусским силам выгодно навешивать ярлык “русского фашизма” на любую негодную им русскую национально-патриотическую организацию, надо ясно и чётко говорить: в России, в стране, подвергшейся немецко-фашистской оккупации, где почти в каждой семье сохранилась память и боль от того времени, фашизма не может быть по определению.